

ИНТЕРТЕКСТОВЫЕ АНТРОПОНИМИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. С. ЛЕСКОВА (СТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТ)

Работа представлена кафедрой русского языка.

Научный руководитель - доктор филологических наук, профессор К. П. Сидоренко

По количеству и степени плотности в тексте развернутых и «точечных» цитат произведения Лескова заметно выделяются на фоне русской прозы второй половины XIX века. Изучение антропонимической лексики в творчестве Н. С. Лескова должно быть связано в первую очередь с современной теорией интертекста; необходимо рассматривать центральное понятие литературной ономастики, понятие литературного онима с точки зрения его «языковой природы и статуса в тексте»¹, а также *внутритекстовых* и *интертекстовых* связей.

В современной лингвистике под интертекстом понимается «совокупность инвариантных признаков, выделение которых позволяет установить отношения деривационной общности между двумя и более текстами»². Если сравнивать взаимодействие «текст <-> интертекст» с типами отношений, существующими между языковыми единицами, то оно соответствует деривационным отношениям, понимаемым как отношения между исходным и производным знаком. Такими производными знаками могут становиться антропонимические единицы, выполняющие в художественном или публицистическом тексте функцию «точечной» цитаты, причем в силу определенных соци-

альных и культурных изменений данные единицы не всегда осознаются средним носителем языка как прецедентные. В отличие от прецедентных имен, представляющих собой социолингвистическое понятие, интертекстовые антропонимы не всегда включаются в когнитивную базу усредненной языковой личности. Прецедентные имена «относятся к индивидуальным именам (иными словами - к "воплощенным" именам собственным)... которые входят в когнитивную базу, т. е. инвариантное представление обозначаемого ими "культурного" предмета является общим для всех членов лингво-культурного сообщества»³. *Интертекстовые антропонимы* - это мотивированные антропонимические единицы, обладающие определенным коннотативным потенциалом, включенные в отношения интертекстовой деривации, что «дает возможность проецировать различные культурно-исторические срезы и разные жизненные и литературно-текстовые ситуации друг на друга и на "вечные тексты", тем самым выходя за рамки единого временного пространства»⁴. Такие «точечные» цитаты (интертекстовые антропонимы) нередко вызывают «дополнительные смысловые ассоциации, аллюзии, реминисценции

и способствуют расширению смысловых границ текста»⁵.

Наличие в художественном и публицистическом тексте интертекстовых антропонимических единиц ставит вопрос о соотношении понятия интертекста и тропа и о рассмотрении интертекста как риторической фигуры. Формальные показатели интертекстовых связей (речь идет в первую очередь об интертекстовых антропонимах) могут входить в состав тропов и стилистических фигур, в результате чего сравнение и метафора как сокращенное сравнение образуют конструкции «текст в тексте» и «текст о тексте». Интертекстовые антропонимы используются Лесковым:

- как метафоры (аналогия с прототипами задается в данном случае метафорической номинацией): «Это был *Ноль*, разлученный со своей *Дамаянти*; это было воплощение идеи духа»⁶ («На ножах»); «Лариса будет моя невольница... моя *рыдающая Агарь*» («На ножах»);

- как сравнения: «*Точно Офелия, эта Шекспирова "божественная нимфа"* со своею просьбою не плакать, а молиться о нем, Ульяна Петровна совсем забыла о мире» («Обойденные»); «Езжу верхом в манеже и слушаю грибоедовские остроты и, как *Гамлет*, сношу удары оскорбляющей судьбы» («Смех и горе»).

В рамках высказывания сравнительные обороты выполняют функцию структурно-организационных единиц, которые можно рассматривать как своеобразные деривационные экспликативы, принимающие участие в структурировании интертекстовых антропонимических единиц. Интертекстовые антропонимы, входящие в состав сравнительного оборота, представляют собой ссылку на предшествующий текст (претекст), ситуацию или образ, указывая на существующие интертекстовые связи, либо на источник трансформированной цитаты, следующей за сравнительным оборотом: «Сенатор очень любил родню. Если бы воля ему была от Варвары Ивановны, он бы пособрал около себя всех племянников

... искал бы их, как *Фамусов*, "на дне морском" и всем бы им порадел» («Некуда»), (ср.: «Нет! Я перед родней, где встретится, ползком; сыщу ее на дне морском» - «Горе от ума»)⁷. В основе сравнения также может лежать невербальный зрительный образ, отсылающий к произведениям живописи и скульптуры: «Сирень-то о ту пору густо цвела, и молодые эти лиловые букетики ему всю голову облепили и за ушами и в волосах везде торчат... *Точно волшебный Фавна, что на картинах пишут*» («Захудалый род»).

Сравнительный оборот имеет полевое, ядерно-периферийное строение: ядерная часть представлена сравнительной частью, а периферия - сопроводительной. Если в сравнительную часть входят интертекстовые проприальные единицы, указывающие на известные ситуации или прототипы, описанные в претексте, то в сопроводительную часть сравнительного оборота включаются характеристики этих ситуаций и прототипов, обозначенных данными именами: «...вас, либералов, всех можно, как *слесаршу Пошлепкину* и унтер-офицерскую жену, на улице выпороть и доложить ревизору, что вы сами себя выпороли...» («Смех и горе»); «Старик был беловолос, как *Нестор*, и крепок мышцами, как *Сампсон*, которого еще не остригла Далила» («Обман»). В большинстве случаев именно сопроводительная часть изначально является стимулом появления собственно сравнительного оборота: «В числе наших учителей был один, Василий Александрович Функендорф, который часто приходил в пьяном бешенстве .... Одному ученику, кажется Яковлеву, он ребром линейки *отсек ухо, как рабу некоему Малху*, и это никого не удивляло и не возмущало» (Автобиографическая заметка). Лесков имеет в виду евангельский рассказ о том, как апостол Петр, защищая Христа от воинов и рабов первосвященника, отсек одному из рабов правое ухо.

Как правило, подобные лексико-синтаксические конструкции имеют многочлен-

ную структуру, поскольку появление проприальной единицы неизбежно порождает другие ассоциативно связанные с ней интертекстовые единицы (Самсон -> Далила, Илья -> Егова): «Я вас видел в магазине, но видел, как Илья видел Егову - "задняя" Ваша, когда вы уходили к Зандорку...» (письмо А. С. Суворину 31 октября 1890 г.).

«Сравнительный оборот не содержит в своем составе грамматического предиката, но в нем можно видеть скрытую предикативность: семантически он соответствует целой ситуации. ... В сравнительном обороте отражена семантика предиката, к которому он отнесен»⁸. Например, сравнительные обороты с библейскими именами фактически представляют собой свернутое описание какого-либо библейского сюжета, отсылают к определенной прецедентной ситуации: «Одним словом, стал - как Елисей перед Ильею - и стоит в одном, что "жив Господь и жива душа твоя, аще оставлю тебя. Ты в Вефиль, так и я в Вефиль, а ты в Иерихон, так и я в Иерихон, и берега Иордана увидят меня с тобою"» («Загадочный человек»).

Значение сравнительного оборота, смысл сравнительного оборота с проприальной единицей формируется на базе текста словесно-художественного произведения, конденсируя в своей семантике содержание этого текста. У Лескова множество сравнительных оборотов, маркированных антропонимическим компонентом в сравнительной части, восходит к Священному Писанию. Именно наличие антропонимического компонента в сравнительном обороте определяет его связь с текстом-источником и ситуацией, описанной в нем. Подобный сравнительный оборот сближается с библейскими крылатыми выражениями типа *беден как Иов*, *беден как Лазарь*, *жить Валтасаром* (ср. у Н. С. Лескова: «Тяжело мне очень. Как Каин бесприютный... Я бы хотел поскорее... покончить все разом» («Некуда»)).

Н. С. Лесков неоднократно обыгрывает фразеологические обороты, в частности

библейские фразеологизмы с антропонимическим компонентом. Можно предложить следующую классификацию таких сравнительных оборотов.

1. Интертекстовая антропонимическая единица может входить в состав сравнительного оборота, представляющего собой контаминацию нескольких фразеологических оборотов (ахиллесова пята, уязвимое место): «От всего этого он был закален крепким закалом карьерных людей того времени, но и у него, как у Ахиллеса, было слабое место» («Человек на часах»).

2. Интертекстовая контаминация: «Учением сим помещик, как бы Савл, озаренный, возмнил себя уже видящим небо отверсто и стал проповедовать другим...» («Заметки неизвестного»). Вероятно, здесь можно говорить о смешении двух библейских образов: ветхозаветного царя Саула и евангельского апостола Павла (Савл до крещения) - и, соответственно, об интертекстовой контаминации (совмещении двух прецедентных текстов Ветхого и Нового Завета): *сделаться (превратиться) из Савла Павлом (в Павла)* - «резко изменить убеждения, начать отстаивать точку зрения, противоположную той, которой придерживался до того»⁹; *Еда и Саул во пророцех?*- «в тексте Священного Писания это выражение приобрело устойчивый характер и употреблялось, когда желали выразить изумление по поводу какой-нибудь неожиданной перемены»¹⁰: «Милосердный Боже! И Ты это видишь и терпишь! И Белоярцев во либералах! *Еда и Саул во пророцех!*» («Некуда»).

3. Интертекстовая парадигма, сопровождающаяся изменением лексического компонента фразеологического оборота. Н. С. Лесков обыгрывает компаративные глагольные фразеологические единицы с библейскими именами, уточняющими глагольные компоненты (*стоять как Лотова жена - стоять как жена Лота - стоял, как madame Лот*): «Этот заговор меня просто подавил: я* чувствовал его избыточность и потерял... все обладание... Я стоял у окна, как *madame Лот* при взгляде на пылающий

город...» («Неоцененные услуги»). Комический эффект, снижение образа библейского персонажа достигаются за счет трансформации семантической структуры фразеологического оборота.

Проведенный выше краткий анализ антропонимикона языковой личности Н. С. Лескова позволил сделать вывод о том, что Лесков был ориентирован в первую очередь

на «массовую» культуру XIX века. В связи с этим можно говорить о снижении степени узнаваемости современным читателем интертекстовых антропонимических единиц. Таким образом, объектом рассмотрения интертекстовых связей могут служить не только современные тексты, но и прозаические тексты классической литературы, также пронизанные цитатами и реминисценциями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Фомин А. А.* Литературная ономастика в России: итоги и перспективы // Вопросы ономастики. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Екатеринбург. 2004. № 1. С. 1)9.

² *Сидоренко К. П.* «Горе от ума» и русский гиперинтертекст // Слово. Словарь. Словесность: социокультурные координаты (к 110-летию со дня рождения Н. П. Гринковой). СПб., 2006. С. 145.

³ *Гудков Д. Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003. С. 146.

⁴ *Фатеева Н. А.* Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М., 2000. С. 43.

⁵ *Савченко А. В.* Интертекстуальность как характеристика эпохи (на материале романа Й.Шкворецкого «Танкову'рпарог») // II Славистические чтения памяти проф. П. А. Дмитриева и проф. Г. И. Сафронова: Материалы междунар. науч. конф. 12-14 сентября 2000 г. СПб., 2001. С. 155.

⁶ *Лесков Н. С.* Собр. соч. В 12 т. М., 1989. - Все цитаты приводятся по этому изданию.

⁷ *Грибоедов А. С.* Горе от ума. М., 1987.

⁸ *Пряtkша А. Ф.* Сравнительный оборот // Русский язык. Энциклопедия. М., 1998. С. 536.

⁹ *Бетехтина Е. Н.* Фразеологизмы с библейскими именами (в русском и английском языках) / Под ред. Г. А. Лилич. СПб., 1999. С. 24.

¹⁰ Там же. С. 23.